

Мария Шелухина

ПИРОГ С ЧЕРЕМУХОЙ

Мария Шелухина

Пирог с черёмухой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55717461

Пирог с черёмухой / Мария Шелухина: SelfPub; Москва; 2022

ISBN 978-5-00114-351-2

Аннотация

У четырнадцатилетней Даши, на первый взгляд, благополучная семья: мама, папа и полный комплект дедушек и бабушек. Ее ждут беззаботные летние каникулы: долгожданная встреча с друзьями, костер, игры, первая влюбленность... Но этим летом Даше предстоит пережить серьезное потрясение, которое разделит ее жизнь на «до» и «после», заставит по-новому взглянуть на свою семью и задуматься о том, что такое любовь.

Мария Шелухина – победительница II сезона Литературного конкурса «Белой вороны». Она живет в Петербурге. Пишет стихи и прозу для детей и подростков, автор стихотворного сборника «Дольки». Любит путешествия, растения, собак и плавать. Мечтает жить на маяке.

Содержание

Часть первая	5
Мы едем	5
Пирог с черемухой	17
Свекольная дорога	19
Большой Ух	28
Бабушкин дом	38
Дворовые	47
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Мария Шелухина Пирог с черемухой

© М. Шелухина, 2022

© ООО «Издательство Альбус корvus», 2022

Часть первая

Мы едем

Мы едем к бабушке, потому что наступило лето, школа закончилась и меня снова некуда деть. Каждое лето родителям некуда меня деть. Даже теперь, когда я вполне могу о себе позаботиться. Но семейные традиции – есть семейные традиции, против них не попрешь.

Вообще-то бабушек у меня две, но живут они в разных местах и к тому же очень далеко от нас. Это потому, что мой папа – военный и он не выбирает, где ему жить, а уж мы с мамой – тем более. За нас выбирает неведомый командир в большой фуражке, и фантазия у него что надо. Каждый раз мы уезжаем все дальше. Все дальше от бабушек.

Моих бабушек ни за что не перепутаешь, хотя зовут их одинаково. Они обе Тани, но мамину маму я называю «бабуля», а папину – «бабушка», потому что она другая.

Сейчас мы едем к бабушке, и это хорошо, но немного плохо. Мама не любит здесь бывать, потому что сюда особенно не зовут, но очень обижаются, если мы не приезжаем. А еще здесь не любят маму. Она так думает. А я думаю, что тут никого особенно не любят. Но мы все равно снова едем к бабушке, потому что лето и меня некуда деть.

Кроме бабушек у меня есть и дедушки. Их зовут по-разному – Толя и Миша, но я обоих называю «деда», потому что люблю одинаково. Хотя нет, Мишу я люблю, потому что он бабушкин и из-за этого мне всегда его немного жалко. А Толя – бабулин, и его я люблю, потому что очень люблю ее.

Когда мы приедем, деда обязательно нас встретит. Он будет загорелый, худой и седой.

На нем будет выгоревшая на спине бледно-зеленая военная рубашка, из которой папа давным-давно вырос, и темно-синие брюки. Много лет я не могу понять, то ли это всегда одни и те же брюки и рубашка и деда просто никогда не пачкается, то ли у него их миллион.

А еще деда будет курить, хотя ему этого и нельзя, и много молчать. И мама тоже будет молчать – от волнения и чтобы выглядеть хорошей. Для мамы это важнее всего. А хорошей выглядеть легче, если ничего не говорить и почаще улыбаться, потому что голос может выдать все, чего мы не хотим показывать. Мне скрывать нечего, про меня и маме, и дедушке, и уж тем более бабушке все давным-давно известно, поэтому говорить буду я. Ну и хорошо.

В вагоне жарко и душно, хотя все окна открыты. Я стою в коридоре, высунув голову наружу. Это не освежает, но все равно приятно, когда ветер весело треплет тебя за нос горячей рукой и вдувает в легкие знакомый душистый воздух! Он пахнет жаром, полынью и пылью. Нигде больше такого нет!

Все чаще появляются черные аисты нефтекачалок. Они

сосредоточенно клюют землю, и мне кажется, что ей от этого больно. Наверное, нефть – это и правда кровь земли.

Перед прибытием поезд начинает яростно скрипеть и шататься, словно пьяный. Он никак не может выбрать нужный путь и в растерянности останавливается передохнуть на короткие две минуты. Это и есть наша станция. Проводница с недовольным видом открывает дверь вагона, с грохотом выдвигает лесенку и молча пропускает нас вперед. Я подхожу к краю и смотрю вниз, в далекую перронную бездну. Надо прыгать. Моя тяжелая бесформенная сумка тянет вниз, как камень. Я бросаю ее с верхней вагонной ступеньки и лечу следом, словно пират, идущий ко дну с привязанным к ногам ядром.

Сумка с глухим стоном падает на исчерченный трещинами асфальт. Я приземляюсь рядом и оглядываюсь на маму. Вцепившись в вагонные поручни, она неловко нащупывает ногой нижнюю ступеньку, хотя давно уже можно прыгать.

Спускаться по лестнице вперед спиной – отвратительно безопасно. Но мама всегда так делает. Словно ей сто лет.

Я отворачиваюсь от мамы и наконец-то замечаю деду. Он курит у выхода из вокзала, в тени акации, и не ищет нас глазами. Потому что и так знает, что мы приехали.

Поезд вскрикивает, словно опомнившись, громко хлопает вагонной дверью и спешит прочь, а мы втроем остаемся на перроне. Мама по-щенячьи жметя ко мне, то хватаясь, то отпуская ручки сумки. Если сейчас посмотреть сверху и

соединить наши фигуры линиями, то получится острый, как колючка, треугольник: узкое основание из нас с мамой и далекая вершина деда. Несколько мгновений наша колючка не двигается с места, и мне кажется, что вокруг нас застывает даже воздух. словно великан, выдыхающий ветер, на спор задержал дыхание.

Я считаю, сколько секунд он продержится, и его кровь стучит у меня в висках. Когда нам с великаном становится совсем неважно, я мысленно командую: «Дыши!» Великан послушно выдыхает, и все вокруг оживает: деда тщательно тушит сигарету об урну, я взваливаю сумку на плечо, мама одергивает платье, и мы начинаем сближаться. И чем меньше между нами остается шагов, тем острее я чувствую, как же сильно я соскучилась! И как же я рада видеть деду!

Он идет на нас, слегка ссутулив плечи. И я с удовольствием узнаю его прыгающую походку. Шаги у деда широкие, но одна нога всегда словно чуть-чуть не поспевает за другой, отчего кажется, что он слегка прихрамывает.

Я ускоряю шаг и быстро-быстро осматриваю деду. Все в порядке: он, как всегда, загорелый, седой и худой. И жухлая зелень рубашки, и синие брюки – все точно такое же, каким было и год, и пять лет назад. От этого у меня в груди распускается огромный белый цветок, похожий на один из бабулиных пионов. И хотя слишком бурно выражать эмоции у нас не принято, я не могу сдержаться: отпускаю сумку, бросаюсь деду на шею и незаметно делаю глубокий вдох: деда

пахнет сигаретами и медом. Как всегда, а значит, как надо. Смесь табака и меда – второй мой любимый запах. А первый – запах деревянных шпал, разогретых на солнце. И он тоже совсем рядом, нужно лишь обернуться. И в этот миг я вдруг осознаю, что лето начинается именно сейчас. И оно уже дышит всем тем, что я так люблю.

Я обнимаю деду совсем не долго, но он уже отстраняется, не грубо, но твердо. Мама улыбается и чужим глуповатым голосом говорит:

– Здравствуйте, Михаил Николаевич!

– Добрый день, – бесцветно отвечает он и кашляет.

Деда никогда не смотрит прямо в глаза, всегда чуть в сторону. Он не обнимает маму. Не спрашивает, как мы доехали. Просто подбирает мою сумку, разворачивается и идет к вокзалу. А мы семеним следом. И я рада! Рада видеть и сутулую дедову спину с белесым выгоревшим пятном между лопаток, и свое улыбающееся лицо в отражении полукруглых, словно прищуренных, окон вокзала, и трещинки на асфальте, и вообще – все вокруг! Должен же из нас троих хоть кто-нибудь радоваться.

Мы огибаем здание вокзала, быстро пересекаем пустую площадь и оказываемся на бесконечно длинной улице, обрамленной рядами сонных тополей. Это дорога к бабушкиному дому. Дорога к бабушке. И здесь для меня все важно: каждый тротуар, каждый перекресток, каждая тропинка.

ка, срезающая путь по дворам. Я проверяю, выкрашены ли в белый цвет двухэтажные домики и в голубой – ограждения вдоль тротуара. Работает ли кулинария и достаточно ли сильно оттуда пахнет свежей сдобой? Расцвели ли космеи на клумбе возле бабушкиной школы? Не спилили ли старые тополя в парке? Стоит ли там еще заброшенное колесо обозрения? Горит ли Вечный огонь? Не закрыли ли баню? Жалко, что не закрыли.

У меня в голове длинный список. Я отмечаю в нем все по порядку и одновременно болтаю с дедой. Точнее, я просто иду и говорю, а он молча тащит сумку. Но я знаю, что деда слушает, потому что иногда он удивленно кряхтит или одобрительно хмыкает. Я рассказываю ему о том, что окончила седьмой класс всего с одной четверкой по алгебре, о выигранных олимпиадах по литературе и биологии, о том, что сдала на первый взрослый разряд по плаванию. Я спешу рассказать ему обо всем. Я хочу, чтобы самые важные слова вылуплялись из меня и поскорее улетали, потому что мои важные слова – они только мои. Об маму они ударяются и уносятся прочь, лишь слегка пощекотав ее крыльями. А деда их впустит. Ненадолго, но впустит.

Мне кажется, внутри деда похож на недостроенный дом, в который можно зайти, но жить – нельзя. Хотя мне и этого достаточно. Потому что совсем не выпускать из себя слова невозможно, ведь все живое должно увидеть свет. И сделать это по пути к дому бабушки – самое лучшее время и место.

Когда мы дойдем, мне придется многое повторить, но это будет совсем другое дело, потому что бабушка любит спрашивать, но не любит слушать. Она заберет из моего рассказа только то, что захочет. Что-то перечеркнет, что-то исправит, поставит оценки, а все остальное выбросит.

Я так не хочу. Я хочу успеть отдать все мои истории по своей воле.

У моей несуразной сумки на брюхе есть колесики, поэтому деда то несет, то везет ее по неровному асфальту. Она страшно грохочет и то и дело заваливается на бок, словно нелепое коротколапое существо. Моя сумка всем неудобна, и с ней сложно сладить. Недаром же она моя.

Мама по-прежнему плетется сзади.

– Мам, иди к нам, – время от времени зову я.

– Тротуар узкий, неудобно будет.

– Да нормальный тротуар!

Но мама только мято улыбается в ответ и не присоединяется ни к нам, ни к беседе:

– Иди, Даш, иди.

Так мы и идем до самого дома – колючим треугольником, только теперь особенно острая его часть – это мама.

Я болтаю, но мысленно продолжаю отмечать важные приметы. Список заканчивается – мы приближаемся к бабушкиному дому. Остается всего несколько пунктов.

Ряды сарайчиков и гаражей во дворе, вокруг которых мы играем в прятки и казаки-разбойники, – на месте.

Наша скамейка возле дома – стоит.

Деда открывает тугую дверь в подъезд, и я вдыхаю особый лестничный запах – прохладный, свежий, деревянно-побелочный – как надо.

– Деда, а Динара с Нуриком здесь?

– Здесь.

Отлично, еще один пункт. Остается всего два.

Я бегу наверх, обгоняя деду, сумку и маму. Бегу, чтобы скорее позвонить в дверь, чтобы бабушка скорее открывала.

Всем, что есть во мне, – сердцем, душой, руками, ногами, глазами, носом – я хочу чувствовать, впитывать, ощущать! Бабушкин голос, запахи, цвета и звуки ее квартиры – как же сильно я соскучилась по всему этому!

Я бегу вверх, и меня переполняет радостное ожидание тех чудес, что лето приготовило для меня. Как же сильно я истосковалась по всему тому, что успела увидеть по пути с вокзала, и тому, что скоро обязательно увижу!

Я знаю наверняка: все, что мне нужно, все, что я так люблю, верно ждало меня целый год, не исчезая и не меняясь. И когда мы встретимся, мы сразу узнаем друг друга. Иначе и быть не может!

И мое сердце не вмещает благодарности за эту неизменность и верность.

Я топаю по деревянным ступеням как слон. К черту – пусть все знают, что я приехала! Пусть просыпаются люди, стены, окна и двери! Пусть все вокруг шумит и грохочет вме-

сте со мной! Я приехала! Я здесь!

Внизу мама с дедой сражаются с сумкой. Она упирается всеми колесиками и ни в какую не хочет подниматься. А я уже у двери, уже нажала на звонок и, кажется, даже слышу бабушкины шаги.

Но раньше нашей открывается другая дверь – дверь напротив, и выходит Ведьма. Белая и холодная, как всегда. Она нисколько не изменилась, так же как встречавшие меня улицы, дома и тополя. Ведьма надвигается, тянет ко мне руки и шепчет тихо-тихо, чтобы услышала только я:

– Дашенька, девочка моя приехала, девочка моя...

Меня обдает ужасом, радость и восторг внутри гаснут, будто свечи от резкого выдоха. Я вжимаюсь спиной в дверь и стучу в нее ногой, чтобы бабушка поторопилась. Плевать, что потом мне придется эту дверь отмывать.

Краем глаза я уже вижу мамину макушку на лестнице, слышу, как тяжело дышит деда с вырывающейся сумкой в руках. Но и Ведьма уже совсем рядом. Я чувствую ее странный сладковатый запах и то, как перед ней сгустился воздух. Нельзя, чтобы она до меня дотронулась! Надо бежать! Но бежать некуда. Бабушка не торопится открывать. Она никогда не торопится мне помочь.

Но в тот миг, когда белые Ведьмины руки почти касаются моего лица, сзади, словно выстрел из пушки, грозно бухает деда:

– А ну пошла от нее, стерва старая!

Ведьма отскакивает, и в то же мгновение бабушка наконец открывает дверь. Кажется, что обрывается туго натянутая веревка. Я лечу спиной вперед и приземляюсь на бабушкин живот. Он рыхлый и мягкий, как подушка.

Ведьма исчезает за мамой и дедой, и дверь с тихим щелчком отсекает от нас все, что случилось мгновение назад. Наступает тишина, но, прежде чем грянет бабушкин голос, я успеваю заметить, как сильно рассержен деда и удивлена мама. Готова спорить, она никогда не слышала от него ничего подобного. Но ведь мама и о Ведьме ничего не знает.

Бабушка уже делает глубокий вдох, чтобы начать свою речь, а мое сердце, остановившееся мгновение назад, наконец оживает, принимаясь бешено биться о ребра, и кровь пульсирует в висках и затылке.

– Ну, с приездом, дорогие мои! – торжественно произносит бабушка зычным учительским голосом.

Мне кажется, что сейчас она стоит не посреди коридора, а на школьной линейке. Широко улыбаясь, она смотрит на нас, но никого не видит.

Бабушка бывает такой, когда мы встречаем ее бывших учеников, их родителей или школьных коллег. Что бы ни было за секунду до этого, что бы она мне ни выговаривала, за что бы ни ругала, при встрече со знакомыми бабушка становится вот такой, как сейчас, – радушной, любящей, щедрой. Из «неблагодарной свиньи» я мгновенно превращаюсь во «внуку мою любимую» и становлюсь самой умной и та-

лантливой на свете. Потому что у Татьяны Дмитриевны другой внучки быть не может!

В такие минуты от меня требуется немного: улыбаться, смотреть умными глазами, вежливо и скромно отвечать и умолкать, когда приходит пора говорить бабушке. Одним словом, не позорить – вот и все, что от меня нужно. Не позорить и не быть собой – точно как бабушка.

Я видела однажды, как в витрине дорогого магазина на золотой подставке медленно вращался флакон духов. Обычный стеклянный пузырек – ничего особенного, но его плавное вращение, и золото, на котором он стоял, и мягкий свет, направленный со всех сторон, меняли невзрачную стекляшку до неузнаваемости. Вот и бабушка такой же флакон: стоит ее подсветить вниманием и выставить напоказ, как она мгновенно преображается: голос звенит молодо и живо, словно весенний ручей, глаза светятся, улыбка не сходит с губ. Всем бы хотелось, чтобы у них была такая бабушка – веселая, обаятельная, красивая. Которая не ноет и не жалуется, а лишь невзначай отпустит пару небрежных шуточек о своей болезни. Словно ей и дела до нее нет. Подумаешь!

Всем бы хотелось иметь такую бабушку. И мне тоже.

Закончив с приветствием, она торжественно и широко раскрывает объятия, чтобы задушить меня в них. Но не от избытка любви, а потому что так надо.

– Здравствуйте, Татьяна Дмитриевна, – еле слышно говорит мама.

– Внука моя приехала! – грохочет бабушка, слишком очевидно не замечая маминых слов, и вжимает меня в свой необъятный живот.

Я судорожно хватаю воздух, но, прежде чем задохнуться, успеваю почувствовать тянувшийся с кухни аромат чего-то печеного, ругаюсь про себя и мысленно вычеркиваю последние два пункта: «Ведьма» и «пирог с черемухой».

Все. Вот теперь мы точно приехали к бабушке.

Пирог с черемухой

Пирог с черемухой – это начало. Только цветочки. Потом будет много всего, и хорошего, и не очень. Будут друзья, малина с куста, теплые медовые пенки, срезанные с сот, горячие шпалы, сережки из лепестков мальвы, земляника на склонах и звезды, до которых рукой подать. Но чтобы все это получить, нужно пройти испытание пирогом с черемухой.

Пирог с черемухой! Черт бы его побрал! На вкус – как перемолотые хрящи с сахаром. Жуешь, и тянет отплеваться и поскорее прополоскать рот.

Бабушка отлично знает, что я его не выношу, но с маниакальным упорством готовит на каждый мой приезд. А потом с торжеством и злорадством наблюдает, как я глотаю куски, и раз за разом повторяет:

– Однажды ты поймешь, что это вкусно, и тогда ты – любишь!

Пирог с черемухой для бабушки – что-то вроде теста на мою взрослость. А еще – символ ее власти надо мной. Стоит мне покориться, проглотить хоть кусочек, и бабушка станет полноправной моей хозяйкой на ближайшую вечность.

Хотя она и так ею станет, лишь стоит маме уехать...

Я же говорю, пирог с черемухой – только цветочки.

А уезжает мама уже завтра.

Поезд, который нас привез, едва успеет добраться до ко-

нечной станции, где в него затолкают чистое белье, залиют свежую воду для чая и, не дав отдышаться, отправят обратно. И он поспешит за мамой, потому что она всегда торопится уехать. Ведь никому не хочется задерживаться там, где тебя не любят и где ты не так хороша, как сама о себе думаешь. Но об этом не обязательно говорить. Если у тебя есть работа, всегда можно свалить на нее. Мол, ждут. Надо ехать. И уезжать без оглядки.

Так мама всегда и делает. А я остаюсь. Потому что работы у меня нет.

Свекольная дорога

Прежде чем сесть в поезд, мама долго меня обнимает. Конечно, она не хочет оставлять меня там, где ее саму не любят. Но, говорю же, летом меня всегда некуда деть.

На прощание она шепчет, что бабуля приедет за мной в августе. И остаток лета я проведу с ней, дедой и Ромкой – моим двоюродным братом. Моим самым любимым братом. Наверное, мама думает, что за это можно будет держаться, и, кажется, она права.

Ромка – сын маминой сестры, тети Иры. Видимся мы только летом, когда гостим у бабули. И когда мы встречаемся, наступает самое счастливое время – у меня появляется старший брат! Настоящий – большой и сильный. Самый лучший брат, который подбрасывает в небо и ловит у самой земли, который не дает утонуть в озере, хоть я и плаваю лучше его. Который берет за руку, ведет, защищает и оберегает. Который слушает и слышит. Такой он, мой Ромка. Если бы он жил с нами, если бы был совсем родным, все было бы иначе – и дома, и тут, у бабушки. Если бы мы были вдвоем, все было бы хорошо.

Порой я так сильно хочу, чтобы Ромка оказался рядом, что вижу его наяву. Но он приходит не всегда, а только если без него мне не справиться. Я зову его, когда страшно, когда папа кричит и его тяжелая рука взлетает и падает на меня, и

от этого я забываю, как дышать. Зову изо всех сил, и Ромка появляется в моей комнате. Он не входит в дверь, не влетает в окно, он просто возникает рядом. И тогда мы разговариваем и смеемся, а большего мне и не нужно. Потому что, когда Ромка со мной, никто другой не может до меня добраться. Мы словно прячемся в волшебном шаре, взлетаем высоко-высоко и становимся невидимыми.

Мамин поезд дергается, и она кричит в захлопывающуюся вагонную пасть, чтобы я слушалась бабушку. Кричит так отчаянно, словно для нее это действительно важно. И я обещаю, хотя знаю, что все это неправда. Просто так нужно, чтобы, даже уехав, мама осталась хорошей. Но мы обе знаем, что ее слова предназначены вовсе не мне.

Ветер подхватывает мамин крик и, подбрасывая и ловя на бегу, несет через вокзальную площадь, по длинной пустой улице, по дворам мимо белых домиков, мимо парка и стадиона и небрежно бросает в то самое кухонное окно, возле которого сидит бабушка.

От маминого крика поезд вздрагивает, как вздрагивают, засыпая, слишком уставшие за день люди, и утаскивает маму назад – к папе, домой. А я иду в конец перрона, где в тени акации курит и ждет меня невидимка-деда. Мама наверняка обиделась на него за то, что не подошел проводить ее к вагону. Но что в этом необычного? Он же еще дома с ней попрощался, а теперь он просто ждет меня.

Я подхожу к деде, а спиной чувствую, как все быстрее уез-

жает мама.

Деда аккуратно тушит сигарету о стену вокзала и бросает окурок в куст. Он, как обычно, не смотрит на меня, но я все равно замечаю в его глазах нечто такое, что можно принять за сочувствие. Деда никогда не жалеет и не защищает словами, ими он только ругает, да и то если вместе с бабушкой. Но порой он умеет пропускать нужные слова через глаза, как ток через провода. А я умею их понимать.

– Ну, пойдем? – с сомнением спрашиваю я, когда мамин поезд уже совсем не слышно.

– Пойдем, – кивает деда и поворачивается ко мне спиной. Мы молча идем вдоль железнодорожных путей, сначала по перрону, потом по гравийной насыпи. Прямо на камнях растет серебристая полынь и ярко-голубые цветы на длинных стеблях. Красивые. У нас таких нет. Идти на дачу недолго, но по жаре под палящим солнцем любое расстояние кажется бесконечным. Зато шпалы уже прогрелись и, вместе со степными травами, начали источать свой особенный аромат. Эта смесь – запах моего лета. Он горький, но нет ничего слаще его.

Возле станции пути множатся, как ветви деревьев, растекаются ручьями в разные стороны, а потом снова собираются, и остается всего один. Самый главный путь, который ведет туда, куда всем нужно. На остальных стоят чумазные цистерны, похожие на грязных, давно не стриженных овец. Они дремлют на жаре в ожидании, когда их разбудят, перемеша-

ют, собирают в новые отары и они покорно последуют за тепловозом, не выясняя, куда он их поведет.

Я люблю наблюдать, как трогается поезд, как по его змеиному телу пробегает дрожь, с каким усилием даются ему первые метры.

Люблю слушать, как стучат колеса на разгоне: кажется, что так же стучит и мое сердце – тяжело и неровно.

Люблю, как звучат вслед ушедшему долгие прощальные гудки оставшихся на станции тепловозов и птичьих переговоров диспетчеров. Люблю махать машинистам и очень люблю, когда они посылают мне в ответ веселый короткий гудок. И хотя отвечают мне нечасто, я все равно машу, ведь им, уезжающим, это нужнее.

– Ну что ты как... – всякий раз говорит деда и никогда не договаривает.

– Как кто?

– А, – раздраженно бросает он, цыкает и презрительно отворачивается.

От моего поведения деда вообще легко раздражается. Только я все равно машу машинистам, потому что, когда ты уезжаешь или возвращаешься, обязательно нужно, чтобы это хоть кто-нибудь заметил.

Но сегодня мне махать некому. На оставшейся позади станции тихо и пусто, словно мамин поезд был последним во Вселенной.

Там, где у железной дороги больше всего разветвлений,

нам и нужно переходить. Потому что где-то за неразберихой путей в сторону отходит старая неприметная ветка с низкими ржавыми рельсами. Она ведет на свеклопункт, где в конце лета вырастет настоящая свекольная гора высотой с пятиэтажный дом. Только тогда по этой ветке и будут ходить поезда, а пока мы будем ходить по ней на дачу.

Дойдя до нужного места, деда резко останавливается, озирается по сторонам и решительно перешагивает через высокий блестящий рельс

– На стрелки не наступай! – командует он мне.

– Да помню, – отвечаю я насколько могу равнодушно, хотя на самом деле после бабушкиных историй стрелок я боюсь как огня.

Бабушка вообще очень любит пугать, особенно когда ей нужно что-нибудь мне запретить.

– Одна старуха шла как-то раз, вот прямо здесь, и встала ногой на стрелку. А стрелка как раз перевелась, ну и зажала ей ногу! – зловеще начинала бабушка свой рассказ. – Старуха ногу дергает – не вытаскивается. А оттуда, – она безжалостно протыкала пальцем воздух за моей спиной, – на нее уже товарняк с нефтью несется!

– И что было? – в ужасе спрашивала я, невольно оборачиваясь.

– Что было? То и было. Ты знаешь, что машинистам, ведущим такой поезд, нельзя резко тормозить?

– Почему?

– Потому что нефть везут! Она от этого взорваться может!

– А старушка как же?

– А так. Если на путях кто-то стоит, машинист сигналист, а если человек не уходит, машинист имеет полное право его сбивать! Потому что – нефть! – с мрачной торжественностью восклицала бабушка.

Если ей верить, то старухи на этом месте мрут каждый год. Потому что каждый год она рассказывает мне эту историю так, словно все случилось совсем недавно.

Рассказывала.

Больше бабушка на дачу не ходит – сил нет.

Но я с детского сада усвоила, что нефть – важнее любого количества старушек. Хотя, по мне, ничего в ней особенного, в этой нефти, нет. Черная, густая, вонючая – ее всегда полно в лужах возле качалок. Любая бабка легко может быть лучше нефти.

Ну или почти любая.

Я спешу за дедой, перепрыгиваю через расползающиеся во все стороны рельсы и не смотрю на стрелки. Но пока прыгаю, все время представляю ту старушку из бабушкиного рассказа, а больше – то, что от нее осталось, когда поезд наконец проехал...

Я не смотрю на стрелки, но почему-то все равно их вижу. И они в ответ тоже на меня смотрят. Угромо и угрожающе, как голодные крокодилы.

А если одна такая зажмет ногу и мне?! Что я буду делать?

И каково моим друзьям-машинистам будет переехать меня, как всех этих бабушкиных старушек?

И я уже вижу себя со стороны – с недалекого, но безопасного расстояния.

Попавшаяся я дергается, пытается вырваться, но крокодилы челюсти стрелки держат крепко. А сзади уже надвигается огромная горячая волна тепловоза...

– Деда!!

– Давай шевелись! – кричит он откуда-то издалека.

От его голоса железные челюсти мгновенно разжимаются, тепловоз превращается в порыв горячего ветра, и спасенная я без оглядки бегу от крокодилов, безглазых тепловозов и размазанных по рельсам старушек. Изо всех сил бегу.

Наконец я догоняю деду. Я взмокла и запыхалась от прыжков и страха, а ему хоть бы что – идет себе, чуть ссутулившись. Молчит и помахивает сумкой.

Мы шагаем по свекольной дороге и точно знаем, что здесь не опасно.

По шпалам идти неудобно. Если наступать на каждую, начинаешь семенить, а перешагивать через одну не получается – слишком широко. Поэтому я иду прямо по рельсу. Балансирую руками и иду. В начале лета всегда получается плохо – я то и дело падаю и отстаю. А к концу – я смогу по рельсу даже бежать и не смотреть под ноги.

Деда снова ушел вперед, он меня не ждет и не оборачивается. А я, стараясь не потерять равновесия, мысленно достаю

второй, дачный, список и начинаю отмечать: вот слева бабушкины березы, она вечно с ними обнималась, когда уставала идти. Справа – заболоченный лужок с гусями и утками. Вот за забором бочки, в которых хранят нефть. Они похожи на огромные банки из-под сгущенки, только без этикеток. Вон впереди белый элеватор – возвышается надо всем, как средневековый замок. А перед ним серый коровник, огороженный дощатой изгородью, а возле нее стоят грязные и скучные коровы. Они провожают нас тусклыми взглядами, и мне становится неловко. В загонах нет ни клочка травы, а с другой стороны железной дороги ее целое море.

– Деда, почему их никогда не выпускают? – спрашиваю я, плюнув на рельсовую акробатику и догнав его по тропинке.

Он долго молчит, словно пробует слова на вкус, и все они ему не нравятся. А потом бесцветно отвечает:

– Не знаю.

И мы ускоряем шаг. Потому что нет сил терпеть коровьи взгляды и слушать их молчание.

Как-то раз я подошла к изгороди и попыталась поговорить с коровами. У меня неплохо получается мычать, по крайней мере, Ромка меня хвалил, да и все мои знакомые коровы, стоило мне замычать, всегда отзывались. А эти – нет. Только еще страшнее смотрят.

Я бегу за дедой, который под коровьими взглядами согнулся в три погибели, словно ему в лицо дует ураган.

Деда спешит на свою дачу. Скорее за сетчатый забор, гу-

сто увитый хмелем, за высокую калитку, сделанную из старой пружинной кровати. К малине, винограду и пчелам.

Скорее!

Большой Ух

Дача у деда необыкновенная. Как и он сам, она отгорожена от всех густыми, а иногда еще и колючими зарослями. Но стоит войти и закрыть за собой калитку, как оказываешься в настоящем сказочном саду. Чего здесь только нет! Виноград и клубника, малина и ежевика, вишня и слива, крыжовник и смородина, а еще – волшебная яблоня, на ветках которой растут яблоки разных сортов: красные, белые, желтые, в полосочку и в крапинку. И мои самые любимые, которые, когда созревают, становятся такими прозрачными, что даже косточки видны. Много лет деда, как хирург, пришивал-прививал на общий безымянный ствол редкие породистые ветки.

Кроме фруктов и ягод у деда вырастают такие огромные мясистые помидоры, что темной ночью ими можно отстреливаться от хулиганов. Перцы, кабачки и баклажаны у него похожи на боеголовки. А огурцы в мелких и крупных мурашках отчего-то сладкие на вкус.

А еще у деда есть пчелы. Четыре улья на шести сотках. Ему хватает. И меда, и забот.

Домик на даче маленький. Да он и не домик вовсе, а простой зеленый вагончик с низкой крышей и двумя квадратными окошками. Каждый раз, сидя в нем, я представляю себя Элли из «Волшебника Изумрудного города» и все жду ура-

гана, который подхватит меня и отнесет в Волшебную страну. Только ураган никак не случается, и я остаюсь.

В домике есть узкая кровать, столик, два стула, мутное пятнистое зеркало, центрифуга для меда, пара грязноватых чашек, вилки и ложки в банке на столе. По стенам на гвоздях развешаны древние лохмотья. В них деда переодевается, когда качает мед, и ими же, когда становится холодно, укрывает ульи.

На подоконниках в домике лежат шарики воска, мыло и спичечные коробки. Ими деда ловит залетевших в дом пчел. Аккуратно, чтобы не повредить, он накрывает пчелу коробочкой и задвигает крышку. Пчела возмущенно жужжит, коробок зудит в руках, и от этого немного страшно и щекотно. Потом деда отпустит ее поближе к улью, чтобы с испугу пчела не кинулась на меня. Сам он укусов не боится – даже в улей залезает без рукавиц, а потом невозмутимо вынимает занозы-жала. Деда говорит, что пчела жалит только один раз. А ужалив, умирает. Поэтому он и не защищается от укусов. Деда говорит, что так – честно. А еще – полезно. Наверное, из-за этого он у меня такой здоровый и сильный.

Я тоже пчел не боюсь, мне они даже нравятся – пушистые такие, деловые. И жалили меня всего однажды. Мы тогда качали мед, и пчелы, ясное дело, были злые как... как обычные пчелы, у которых крадут мед. Но все шло хорошо. Я закончила работать дымарем, деда закрыл ульи и понес в домик рамки с сотами, а я отстала и, легкомысленно сняв с головы

защитную шляпу с сеткой, отвлеклась на поедание крыжовника. И вдруг какая-то особенно впечатлительная пчела вынырнула из ниоткуда и бросилась на меня. По ее разъяренному жужжанию я сразу поняла, что она собирается через меня отомстить всему вороватому человечеству. Только от переизбытка чувств мохнатое возмездие промахнулось и запуталось у меня в волосах. Я стояла, боясь пошевелиться, и лишь кричала на всю округу – мне казалось, что пчела жужжит внутри моей головы! На крик прибежал деда, хотел спасти нас обоих, но не успел. У пчелы сдали нервы, и она от всей души ужалила меня за ухом. Было не очень больно, но я все равно продолжала голосить.

– Ну что ты орешь как... – шикнул на меня деда, и только тогда я наконец заткнулась.

Когда мы качаем мед, деда бывает особенно нервным и требует, чтобы все делалось быстро и, главное, тихо. Мы с ним – как настоящие медовые воры-рецидивисты: все в черном, в масках и в клубах дыма для маскировки. Не знаю, чего именно он так опасается, но на все мои расспросы только отмахивается, хмурится и упорно молчит.

Поэтому я давно усвоила, что мед – дело секретное.

Потом, пока я сдавленно всхлипывала, деда легко вынул жало, помазал укус соленой водой, хмыкнул и пошел крутить центрифугу с сотами.

А ночью мое раненое ухо стало невыносимо зудеть, и я самозабвенно чесала его до утра, а когда встала, бабушка

чуть не упала в обморок, потому что вместо уха у меня на голове красовался огромный розовый вареник. Дед тихо посмеивался в сторону, а бабушка разразилась долгой гневной тирадой о том, что люди, увидев меня, могут решить, будто жестокая бабка таскает несчастного ребенка за уши. Одним словом, мое безразмерное ухо бабушку позорило, во всех смыслах отбрасывая тень на ее репутацию уважаемого и заслуженного педагога. Но не заплетать волосы, чтобы ими прикрыть срамоту, она мне все равно не разрешила, и я пошла гулять с хвостом на макушке и локатором на полголовы. Несколько дней ребята звали меня «Большой Ух» и то и дело просили спеть песню про веселых медуз. А потом ухо сдулось, и петь стало необязательно.

Я вспоминаю эту историю, и мне становится весело. Я вижу смеющиеся лица друзей, слышу их голоса и шутки. Я даже чувствую, как пульсирует мое раздувшееся ухо-вареник. Но стоит дотронуться до него, и видение исчезает. Я стою посреди дедушкиного сада и широко улыбаюсь.

Деда проходит мимо, замечает мою беспричинную улыбку, сокрушенно качает головой и бурчит что-то неразборчивое.

Да, я «как эта», что бы это ни значило. Ну и пусть. Просто деда не знает, что это ожидание скорой встречи с друзьями щекочет меня изнутри.

Пока деда занимается своими делами, я слоняюсь по участку, проверяя, что и как завязалось, что уже зреет, а

что еще и не думает начинать. Я брожу по узким дорожкам, рассматриваю, узнаю, радуюсь, киваю, глажу ветки и листья, словно детские макушки. Деда и арбузы посадил, и дыни. И они уже завязались – лежат себе, греют гладкие бочка на солнце. И смородины будет много, и крыжовника, и вишни, и слив. И малины. Ее я люблю больше всего.

Я не боюсь заходить в малинник, хотя как раз там и стоят ульи. Я знаю, как себя вести, – деда мне рассказывал о пчелином этикете.

Деда сидит под высоким малиновым кустом, курит и наблюдает, как пчелы суетятся возле летка – работают, стараются. Я молча сажусь на корточки рядом с ним и слушаю, как гудит улей, как урчит за забором машина, как соседка гремит ведром, набирая воду. Я слушаю дачные звуки и вдыхаю запахи: смесь дыма от дедовой сигареты, разогретой земли и прополиса. Не знаю, о чем он всегда думает, сидя здесь и наблюдая за пчелиной возней. Он может молчать по часу, сидеть окаменев, оживая, только чтобы закурить новую сигарету. В такое время спрашивать деду о чем-то бесполезно, это еще безнадежнее, чем обычно. Но зато иногда, если сидеть рядом тихо, не дергаться, отгоняя какую-нибудь любопытную пчелу, деда может заговорить. Он, словно кит, вынырнет из глубины, чтобы сделать вдох. В такие моменты он может рассказать что-нибудь о повадках пчел или об устройстве улья. А потом снова неожиданно нырнет в тишину и безмолвие.

Сегодня кит так и не всплывает, хотя я и не жду. У меня слишком много своих мыслей, и они кружатся и жужжат в голове не хуже пчел.

Солнце уже начинает краснеть, и, значит, скоро нам нужно будет возвращаться к бабушке. И я уже не знаю, хочу туда или нет. Мне совсем не хочется нарушать тишину и это наше малиновое уединение, но ведь я до сих пор не увидела ни Динарку, ни Нурика, ни всех остальных моих друзей. Только Кольку, да и то совсем недолго.

Вчера, когда мама после ужина мыла посуду, а бабушка с дедой смотрели вечерние новости, я незаметно выскользнула на балкон. Мне хотелось поздороваться с вечером, с его прохладными запахами и бархатной темнотой. Мне хотелось еще раз убедиться, что и ночи здесь остались прежними и что они верно ждали и дождались меня.

Кольку я заметила не сразу. Он стоял неподвижно и в потемках вполне мог сойти за скрученный ковер, перекинутый через перила балкона. Колька смотрел прямо перед собой, словно в подрагивающей тополиной листве было что-то очень для него важное. Из голых стекол балконных дверей вырывался яркий, неприятно желтый свет. Казалось, он обжигает Колькину спину, а Колька совсем не чувствует этого. Следом за раскаленным светом в него летели и голоса – один низкий и громкий, но вместе с тем вязкий и липкий, как плавленый пластилин. Второй – тихий, испуганный, сдавленный, словно рука в тесной резиновой перчатке. Я вслу-

шивалась, стараясь разобрать слова, от которых укрылся на балконе Колька, но ничего не получалось. Пластилин неприятной жижей растекался по перчатке, не обретая формы.

По дороге проехала машина, расталкивая темноту фарами. Колька вздрогнул, словно очнувшись, и сразу же заметил меня.

– Неужели?! – воскликнул он удивленно. – Когда ты приехала?

– Сегодня днем!

Колька выпрямился, плотнее прикрыл балконную дверь и шагнул в мою сторону. Между нами было всего несколько воздушных метров – можно было не кричать, а говорить так, словно мы совсем рядом, словно между нами нет пугающей черноты Ведьминого балкона, пока пустого и неопасного. Мгновение мы молча рассматривали друг друга. Колька очень вырос и стал таким огромным, что это даже пугало... Интересно, неужели и я так же сильно изменилась за год?

Я не знала, что сказать Кольке, но чувствовала, что и он тоже растерялся. Никогда прежде такого не было. Раньше мне всегда казалось, что Колька вообще не умеет молчать.

– Динарка здесь? – наконец спросила я, решив, что глупые вопросы лучше глупого молчания.

– Ага, тут.

– А Нурик?

– Ну а куда же он денется.

– А...

– И Женька тут, и Андрияха, и куры в сарае у бабки Кати несутся, и магазин работает с восьми до шести, и Земля круглая, и дважды два четыре, и... – Кольке явно полегчало, и он принялся молоть свою обычную чепуху.

Я с облегчением рассмеялась и приготовилась слушать Колькины шуточки, но вдруг Ведьмина дверь негромко звякнула замком, и за стеклом показалась белая фигура. Колька замолчал на полуслове, мы отшатнулись друг от друга и, не стовариваясь, схватились за ручки дверей.

– Выйдешь завтра? – крикнул он на прощание.

Я кивнула, и мне захотелось, чтобы «завтра» наступило прямо сейчас.

Колька старше меня, но часто бывает настоящим дураком.

Хотя вообще-то он хороший и смешной. Без его выдумок и шуток нам не было бы так весело, как бывало все прошлые лета.

Если бы не Ведьма, мы могли бы еще поболтать. Мы бы стояли в темноте, а внизу бы трещали кузнечики. Колька бы шутил, а я бы смеялась его шуткам, но так, чтобы ни мама, ни бабушка не услышали. Я представляла нас с Колькой, и от этого в животе что-то щекотало и сжималось, а потом растекалось горячо и сильно.

А потом мы с мамой легли спать. Она быстро уснула, а я еще долго лежала в постели, и мне нестерпимо хотелось снова выглянуть на балкон – посмотреть, вдруг и Колька тоже вернулся. Но Ведьма все не уходила, все шептала что-то в

темноту, а значит, появляться там было никак нельзя.

Я пыталась уснуть, чтобы скорее наступило завтра, но никак не могла успокоиться. Снова и снова перебирала в голове впечатления первого дня, все его обещания и надежды, страхи и огорчения. Пока хорошего было точно больше.

Я прислушивалась к ночным звукам бабушкиной квартиры, и меня переполняло предвкушение чего-то особенного – такого, что изменит весь мир вокруг.

На кухне из крана капала вода, разбиваясь о железную раковину, что-то урчало в трубах, в коридоре похрапывал холодильник, а бабушка и деда вторили ему из своей комнаты. Тикали часы, редкие машины сонно шуршали колесами по асфальту. И во всем этом было что-то неуловимо важное и новое, и оно не давало уснуть.

Было душно и жарко, сквозь простыню ужасно кололось шерстяное покрывало, которым бабушка всегда застилала свой драгоценный диван. Я вертелась, тревожа мамин сон, но открыть балкон не решалась, потому что Ведьма все бубнила и бубнила свое, и я боялась впускать ее слова к нам.

– Да угомонишься ты, наконец?! – вдруг раздраженно прошептала мама. – Спи уже, шило!

– Хорошо, хорошо, – ответила я, перевернула подушку прохладной стороной вверх и легла на одеяло, чтобы бабушкин плед до меня не добрался. Я закрыла глаза, но сквозь веки видела, как Ведьмины слова кружатся возле наших окон, похожие на множество серых мотыльков. Им до меня не до-

браться.

Только не сегодня.

Бабушкин дом

Домой мы с дедой добираемся быстро. Даже слишком быстро. Поставив передо мной тарелку с супом, бабушка объявляет без долгих предисловий:

– Значит, так. На этой неделе мы дежури́м по подъезду.

Если переводить с бабушкиного языка на обычный, это означает: «Значит, так, Даша, в ближайшие дни ты должна вымыть лестницу». Бабушкино «мы» – это почти всегда «ты». Папа, конечно, от нее этого набрался. Он тоже всегда так делает: «Давай-ка мы уберем со стола», и вся уборка достается мне одной. Мне не сложно вымыть посуду, но терпеть не могу это его вранье! Я давно поняла: когда дело касается меня, никакого «мы» в нашей семье не существует.

Я едва заметно киваю, ничего не говоря.

– И нечего вздыхать! Не мне же идти это делать!

Я и не вздыхала. Молчу себе, топлю в супе ложку, поднимаю со дна и снова топлю. Жду, когда бабушка наконец усядется и даст мне поесть. Но она не унимается. Ее раздражает, что я и не протестую, и не соглашаюсь вслух, а просто молчу.

– Слышишь ты меня вообще?

Если не давить, ложка медленно наполняется бульоном с плавающими в нем водорослями укропа, кораллами морковки и медузами лука.

Конечно, я ее слышу. Но наблюдать за водоворотом в лож-

ке намного интереснее, чем говорить с бабушкой.

Нервно кашлянув, деда встает, опускает тарелку в раковину и торопливо выходит из кухни. Он, как и я, отлично слышит все то, что поднимается в бабушке.

Но она, не обратив на дедово бегство никакого внимания, садится напротив и сверлит меня взглядом:

– Оглохла ты, что ли?

Я не оглохла. Я молчу. Вообще-то, дежурство по мытью подъезда, состоящего из четырех квартир, случается раз в месяц, но если слушать бабушку – исключительно когда приезжаю я. А сама она никогда подъезд не моет – не может. Она же болеет!

Еще она не может ежедневно мыть пол в квартире. И окна раз в три недели – тоже. Стирать руками огромные одеяльники и простыни и полоскать их в растворе синьки – не может совершенно. А уж отжимать и вешать их потом на балконе – тем более. Когда я приезжаю, бабушка не может почти ничего. А то, что может, превращает в трагический спектакль: охает, стонет, отдувается, хватается за сердце и в конце падает без сил на диван. А все потому, что бабушка – невыносимая чистюля. Сколько же своей и моей радости она променяла на стерильный пол!

Я знала, что все это будет и что начнется сразу, едва мама уедет. Труд под присмотром бабушки – это важная часть Моего Воспитания. А кроме нее воспитывать меня, ясное дело, некому.

Когда я приезжаю, бабушка очень любит изображать из себя смертельно больную, почти умирающую. Но болеет она взаправду. У бабушки сахарный диабет. Звучит так, словно она много лет ела один только сахар и от этого сама понемногу превратилась в рыхлую ноздреватую сахарную голову. Но на самом деле все наоборот. Бабушкин диабет – это такая болезнь, когда в организме нет инсулина – специального гормона, который отвечает за усвоение сахара. Поэтому бабушка каждое утро и каждый вечер колет его себе в живот зеленым шприцем с короткой иглой и требует, чтобы я присутствовала при этих ее уколах. Чтобы смотрела, как она трет свой рыхлый живот ваткой, смоченной в спирте, как набирает лекарство в шприц, как готовится, делая глубокие трагические вздохи, как наконец втыкает в себя иголку, как вскрикивает и морщится. Я должна подавать ей ватку, забирать шприц и сидеть рядом, пока бабушка не сможет встать. Это тоже часть Моего Воспитания. Я должна видеть, как тяжела бабушкина жизнь, в которую ей еще и меня подсунули. Я должна осознавать и запоминать. А самое главное, я должна чувствовать от всего этого вину и благодарность и излучать покорность и любовь.

Деда, конечно же, испытывает все это сам по себе. Но его же никто и не заставляет.

За моей спиной окно, и из открытой форточки в кухню, словно порывы ветра, то и дело врывается смех. Я знаю, что это смеется Динарка. Я еще не видела ее. Но это точно она.

Бабушка тоже это знает и резко перестает злиться. Но не потому, что Динаркин голос ее успокаивает, а потому, что этим-то она меня и поймает.

– И еще, – испытующе глядя на меня, медленно говорит бабушка. – Каждый день, прежде чем идти гулять, – последнее слово она произносит особенно ядовито, – ты обязана мыть пол в квартире.

Обязана. Ну да.

Я невольно оглядываюсь на окно, и это равносильно вопросу:

– Даже сегодня?

Бабушка хмыкает, сузив глаза, что значит:

– А что, сегодня праздник какой-то?

Да нет, конечно, какой уж тут праздник. Я всего лишь день, как у тебя в гостях. И я целый год не видела друзей. Ничего особенного.

Голоса за окном звучат все громче, словно это бабушка усилила звук, чтобы до меня все точно дошло. Спорить опасно. Она вполне может запереть меня дома.

Я все еще молчу, но мое молчание ее больше не раздражает. Наоборот, уголки ее губ подрагивают, словно она хочет рассмеяться, но изо всех сил сдерживается.

Я попалась. Мы обе это знаем.

И от этого в висках начинает стучать. Я не знаю, просто ли кровь поднялась к голове или это поднялась ненависть и требует, чтобы ее выпустили наружу?

Нам с бабушкой очень нужен повод. Огромное их множество рассыпано прямо в воздухе, они мечутся перед глазами крохотными шаровыми молниями и огненными кометами. Нужно лишь суметь поймать одну, резко схватить, словно надоедливую муху. Это совсем не сложно. И сегодня я первая.

– Бабушка, а где Лена? – неожиданно высоким, предательски срывающимся голосом вдруг спрашиваю я.

Лена – моя здешняя кукла. Я помню ее с тех пор, как помню себя. И кроме нее других игрушек здесь нет. Бабушка считает, что нормальному человеку одной куклы вполне достаточно. А ее внучка ненормальной быть не может.

Конечно, в куклы я давно уже не играю, да и Лена никогда для этого не годилась. У нее короткие волосы, поэтому заплетать их не интересно. Ее можно было бы кормить, но кукольной посуды здесь нет, а настоящую для игр бабушка никогда не давала, хотя все шкафы у нее забиты сервизами, подаренными учениками. Переодевать Лену тоже не во что – у нее всего одно синее бархатное платье. Однажды я сшила ей новое из сарафана, который купила мне бабушка. За это Лена целый месяц пролежала в коробке на шкафу, а я получила несколько тяжелых оплеух и много таких слов, которые совсем не хочется вспоминать.

Мы с Леной не играли. Мы уходили на балкон, и за плотно закрытой дверью я рассказывала ей все-все и про себя, и про бабушку. Я говорила жадно, словно впрок, а Лена впрок

запоминала, чтобы ей хватило моего голоса и моих историй на все то время, когда меня не будет рядом.

– Бабушка, а где Лена? – Мой вопрос словно жар над раскаленным асфальтом.

Бабушка долго молчит с прежней, плохо сдерживаемой улыбкой, а потом неестественно спокойно отвечает:

– Я ее отдала.

Внутри у меня что-то обрывается, летит вниз и никак не может остановиться.

– Как отдала? Кому?!

– Да у диабетчицы одной знакомой внучка приехала.

– Зачем? – Я захлебываюсь воздухом, слова кипят в голове, врезаются друг в друга и не идут в горло.

– Ты уже большая, – отрезает бабушка, встает из-за стола и поворачивается ко мне спиной.

– Это моя кукла! – кричу я ей вслед. – Моя!

Голос окончательно рвется, и слезы льются из глаз горячими неудержимыми потоками.

Услышав мои слова, бабушка резко оборачивается, приближает свое самодовольное лицо вплотную к моему и тихо, но очень отчетливо произносит:

– Это я ее тебе купила. А ты уже – взрослая!

Она уходит в ванную, и я слышу, как шумит вода в кране и как захлебывается ею ведро. А я захлебываюсь слезами, обидой и словами, которые хочется прокричать, но получается только шептать одними губами:

– Я тебя ненавижу! Ненавижу!

Динарка смеется за окном, но я не могу побежать к ней, я сижу за столом и плачу по моей Лене. Я чувствую себя такой маленькой, такой жалкой! Словно я – хлебная крошка, которую случайно смахнули со стола на пол... Вот если бы Ромка сейчас оказался рядом, он бы мне помог. Он бы что-нибудь придумал. Он защитил бы и меня, и мою Лену.

Я вижу Ромку: вот он стоит перед бабушкиной дверью в блестящих рыцарских доспехах. В руке у него длинный меч, которым он решительно нажимает на кнопку звонка. Звонок звенит резко и громко, словно боевой рог! Бабушка недовольно идет к двери и заглядывает в глазок. Но оттуда на нее сурово смотрит синий Ромкин глаз. Бабушка распахивает дверь и испуганно отшатывается – гремя и звеня доспехами, в коридор входит мой Ромка, поднимает меч и громовым голосом спрашивает:

– Где Лена?!

Бабушка испуганно и тонко повторяет: «Да-да, сейчас-сейчас!» – и прямо в тапочках выбегает из квартиры. И я слышу, как за ней победно хлопает дверь...

И в ту же секунду рядом со мной с торжеством приземляется большое фиолетовое ведро, полное холодной воды. На ее поверхности вспухает уродливый пузырь серой тряпки.

Ромка исчезает.

Колька что-то кричит в окно.

Динарка и Женька хохочут.

А я начинаю мыть.

Как всегда – неправильно.

Мне не хватает длины руки и роста, чтобы дотянуться до плинтуса под кроватью, не хватает сил хорошо отжать тряпку...

Мне не хватает ума запомнить, что нельзя мыть пол, ползая на коленях! Что нельзя водить тряпкой поперек досок, только вдоль! Неужели это так трудно запомнить?! Как я, бестолочь такая, вообще могла родиться у моего отца? Это все мамина дурная наследственность. Все она, неряха деревенская.

Я мою и молчу. Мою гладкие коричневые доски с горбатой спиной – вдоль, вдоль. Сильно мочу их, чтобы вода попадала в щели, отжимаю так, что дрожат руки, вытираю. Вдоль, вдоль, всегда вдоль. Не сгибая ноги, наклоняюсь к самому полу, а не встаю, как непутевая, на колени. И тру, тру, тру. Вдоль, только вдоль. Не защищаю маму, ничему меня не научившую. Не вспоминаю Лену, так меня и не дождавшуюся. Не думаю о Ромке, потому что знаю, что взаправду он не придет. Я молча мою, чтобы пойти на улицу. Там меня, неблагодарную дрянь, ждут Колька, Динарка, ее брат Нурик, Женька и Андрюха. Я слышу их в окно. Они все сейчас сидят на нашей скамейке. Я мою и представляю, как будет здорово, когда я выйду, и Динарка заметит меня. Она закричит, вскочит на ноги и побежит мне навстречу. И Женька бросится за ней следом и даже запрыгает от радости. Нурик широко

улыбнется и помашет рукой. Как всегда сдержанный Андрия коротко кивнет, а Колька встанет со скамейки, возьмется за спинку обеими руками и лукаво подмигнет мне, мол, мы-то с тобой уже виделись.

Все так и будет. Совсем скоро.

Поэтому я мою. И молчу.

Дворовые

Закончив с полом, прополоскав тряпку и повесив ее сушиться, я бросаюсь к входной двери:

– Ну я пошла, бабушка!

– Почему это ты так меня зовешь? Ты же ту свою бабку не так называешь?

Ну началось... Только этого мне еще не хватало! Отпусти меня уже, а? Я же все сделала!

– Меня ребята внизу ждут. Я пойду, ладно?

– Подождут, – отрезает бабушка и добавляет: – С Колькой не вздумай общаться. У него отец совсем спился. Понятно?

– Ну и что? – Я так злюсь, что молчать дальше не получается. – Не Колька же спился!

Бабушка мрачнеет, и я чувствую, как в ней поднимаются ее любимые слова.

Сейчас она скажет, кто из моих друзей debil, а кто урод. Она все обо всех знает. Она же педагог с огромным стажем! Она же всех их родителей поголовно учила. А от осины апельсины не рождаются!

Я не могу это слушать, у меня от ее слов сжимаются кулаки и по затылку бегут мурашки. Чтобы не заорать и не броситься на бабушку, я разворачиваюсь и выскакиваю прочь. А в спину мне летит требовательное:

– В девять чтобы была дома! Ты должна возвращаться не

позже девяти!

И уже из-за двери глухое и жалкое:

– Поняла?

Все. Бабушка, вместе со своими дебилами и уродами, остается позади. А я иду вниз – к друзьям!

В подъезде прохладно и сумрачно. Свет из маленького окошка наверху освещает только нашу площадку, а все остальное остается в тени и полумраке. В луче света висят пылинки, словно застывшие по волшебству мотыльки. Пахнет сухим деревом и чем-то вкусным – наверное, Динаркина бабушка что-то печет. Деревянные ступени мягко поскрипывают под ногами, как будто мурчат. Я так и не научилась спускаться бесшумно, как умеет папа. Жаль, это было бы очень полезно. А еще лучше, спускаясь вниз, ненадолго превращаться в невидимку.

На последней ступеньке перед первым этажом я останавливаюсь и прислушиваюсь: тишина.

Мне осталось только повернуть, пройти мимо квартиры Динаркиной бабушки и сбежать по короткой лесенке, оканчивающейся у двери в предбанник. А дальше – толкнуть ее, сделать два шага, толкнуть вторую дверь и оказаться на залитом солнцем дворе. Такая ерунда – всего несколько секунд, несколько шагов, но нет ничего их страшнее. Потому что там, в сумраке между дверей или перед ними, в темном закутке под лестницей, может стоять Ведьма. Она может быть там, может внезапно проступить белым свечением на фоне

темноты и, ласково улыбаясь, двинуться навстречу, протягивая ко мне руки.

Зачем-то ей нужно дотронуться до меня! Но я знаю, что нельзя, нельзя ей этого позволить! Поэтому я стою не дыша и прислушиваюсь: вдруг какой-то шорох подскажет мне, что она там, но слышу только бешеный стук своего сердца.

Кажется, чисто. Я осторожно прохожу мимо Динаркиной двери, делаю глубокий вдох и срываюсь с места, кометой пролетаю последний лестничный пролет, со всей силы ударяю в одну дверь, во вторую, чтобы не смели меня задержать, и вылетаю на свет, оставляя белую тень позади.

Дверь хлопает за спиной, отрубая мои страхи. Солнце на мгновение ослепляет, и, как собака – радостно и горячо, – дышит мне в лицо. И в этот же миг все взрывается криками: – Дашка!! Дашка!!

Динарка бежит мне навстречу, на весь двор выкрикивая мое имя. Женька визжит и скачет от радости. Они налетают на меня как настоящее цунами. Сквозь переплетение их рук я вижу Нурика. Он широко улыбается и машет мне, Андрюха сдержанно кивает, но я вижу, что и он мне рад. А позади них, держась за спинку скамейки, стоит Колька. Наши взгляды встречаются, он подмигивает мне, и от этого почему-то перехватывает дыхание. А девчонки хохочут, что-то кричат, душат в объятиях, скачут вокруг и тянут за собой. И лучше всего этого ничего не может быть.

Меня торжественно усаживают на скамейку. Динарка бес-

церемонно толкает брата и плюхается рядом со мной, Женька – с другой стороны. Нурик смущенно, а Андрюха недовольно сдвигаются на самый край скамейки вместе с шахматной доской. Фигуры падают, Андрюха тихо выругивается. Но я знаю, что он сердится не всерьез. Он всегда такой, что поделать.

Девчонки смотрят на меня во все глаза.

– Когда ты приехала? – спрашивает Динарка.

– Вчера, – отвечаю я.

Колька так и стоит сзади, держась за спинку скамейки, и я лопатками чувствую его руки.

– И до сих пор не зашла ко мне! – возмущается Динарка.

– И ко мне! – передразнивая ее тон, добавляет Колька.

Я оборачиваюсь. Он оперся локтями на спинку скамейки. Его лицо совсем близко, и от его дыхания по шее бегут мурашки.

И снова я почти не узнаю его. Я не могу поверить, что это наш Колька. Наш дворовый Колька-дурак. Я же его сто лет знаю! Но сейчас, когда он так близко, мне кажется, что вижу его впервые. Как он сумел так измениться за год?!

– Извини, – тихо отвечаю я Динарке. – Маму сегодня провожали, а потом бабушка...

– Ладно, ясно. – Динарка машет рукой и обнимает меня за плечи. Руки у нее длинные, худые и смуглые. Я на ее фоне выгляжу бледной поганкой. Динарка все знает про мою бабушку, поэтому не спрашивает дальше. Не хочет меня

смущать.

– А вы все давно приехали? – спрашиваю я, стараясь не отвлекаться на Колькино дыхание возле уха.

– Мы две недели назад, – отвечает Динарка, и Нурик одобрительно кивает.

– Я уже пять дней тут, – говорит Женька.

– Неделя, – коротко изрекает Андрюха, не отрывая взгляда от доски.

– Понятно...

В голове гудит, словно по ней кто-то треснул, и мысли замерли, как те пылинки в подъезде, парящие в луче света. Нужно что-то говорить, но отвлечься от стоящего за спиной незнакомого Кольки не так-то просто.

– Жень, – наконец соображаю я. – А как тетя Тоня?

Тетя Тоня – Женькина тетя. Она живет в доме напротив, во втором этаже, в точно такой же квартире, как наша. А еще тетя Тоня не ходит, а ездит в инвалидном кресле. По дому она перемещается в нем целый год, а когда наступает лето и появляемся мы, она начинает ездить и по двору. Тетя Тоня маленькая и совсем легкая, так что вчетвером мы запросто выносим ее на улицу прямо в кресле. Когда мы спускаемся по лестнице, она бывает очень похожа на принцессу в паланкине. На поворотах кресло наклоняется, тетя Тоня смеется, но по тому, как сильно она хватается за подлокотники, видно, что принцессой ей быть страшновато.

У тети Тони короткие желтоватые волосы, светло-голубые

прозрачные глаза, высокий, как у девочки, голос и самые ловкие пальцы на свете. Из разноцветных проволочек она делает нам колечки и браслеты. Всем остальным – вяжет салфетки, панамки и шали и плетет из ниток сумки и абажуры.

Тетя Тоня очень хорошая. Иногда мне хочется оказаться Женькой и приезжать на лето не к бабушке, а к тете Тоне. Я бы все для нее делала – и мыла, и переодевала. Тете Тоне легко и приятно помогать.

– Да все хорошо, – лениво отвечает Женька. – Навязала опять всякого! Сегодня только про тебя спрашивала. В гости всех ждет.

– А почему, интересно, никто не спрашивает, когда приехал я?! – перебивает Женьку Колька.

– Откуда ты приехал? И куда? – с издевкой спрашивает она. – Дяревня ты наша.

Женька вечно дразнит Кольку деревней, потому что он и правда живет здесь, в поселке, а все остальные приезжают только на каникулы.

– Городская нашлась, – зло огрызается Колька.

– Ну не начинайте только, ладно?! – строго одергивает их Динарка. – Надоело уже это слушать! Давайте лучше решим, чем займемся.

– Может, в парк сходим? – предлагает Нурик.

– Да что там делать! – возражает Динарка. – Может, лучше на стадион?

– А может, на поле сгоняем? Там гороха можно набрать, –

мечтательно говорит Женька.

– А может, в больницу? – странным голосом спрашивает Колька.

– Да иди ты уже со своей больницей! Заколебал! – кричит Андрюха, и я вздрагиваю от неожиданности.

Заметив это, он примирительно добавляет:

– В самом деле, пошли лучше на поле.

– Ладно, – нехотя соглашается Колька, ни на кого не глядя.

– Угу, – рассеянно кивает Нурик, но продолжает пялиться на фигуры.

Колька обходит скамейку, встает с ним рядом и долго смотрит на доску. Динарка все еще обнимает меня, положив голову мне на плечо. Женька, напевая что-то под нос, рисует носком кроссовки сердечки на земле.

– Ну так идем мы или нет?! – вдруг рявкает Колька, хватая меня за руку и одним движением поднимает на ноги.

Я не сопротивляюсь. Я сейчас – словно воздушный шарик на веревочке, который Колька тянет за собой. В этот миг я не ощущаю ни своего веса, ни земли под ногами, только большую Колькину руку поверх своей. Я послушно скольжу вверх, но неловко утыкаюсь в его плечо, и лицо обдает жаром. Колька выпускает веревочку, шарик может лететь сам. И я лечу все выше и выше...

Из-за Колькиного плеча я вижу в окне бледное бабушкино лицо. Плевать.

Динарка, не дожидаясь помощи, поднимается со скамейки и нетерпеливо вздыхает.

– Правда, ну пойдёмте уже, – зовет Женька, и только тогда Андрюха с Нуриком наконец бросают игру.

Нурик торопливо сыпает фигуры в коробку и бежит к раскрытому настежь окну своей кухни. Подпрыгнув, он закидывает шахматы на подоконник и летит догонять нас.

Гороховое поле близко, нужно лишь пройти по узкой дорожке между высоким забором стадиона и стеной из кустов акации на краю парка, перейти по мостику через канаву и промчаться по огородам стоящих поблизости домов. Поле тянется далеко-далеко, насколько хватает взгляда, и даже дальше. Справа вдоль него петляет глубокий овраг, а за ним дорога и кладбище.

Набив тощими стручками карманы, мы садимся на краю обрыва. Наша возня тревожит песок, и он пластами съезжает вниз, где поблескивает жалкий ручеек. Невдалеке пасется привязанный к колышку рыжий теленок. Он с интересом смотрит на нас и бьет себя по бокам хвостом с грязной кисточкой на конце.

Мы принимаемся за еду. Раскрываясь, стручки жалобно шелкают под пальцами. Я осторожно вынимаю из блестящих створок крохотные сладковатые горошины и с наслаждением даблю их языком о небо. Горох еще не созрел, не огрубел и не начал горчить. Совсем как мое едва завязавшееся лето.

Мы долго сидим в молчании, то и дело шелкая стручка-

ми и небрежно сбрасывая кожурки вниз. Я снова не знаю, о чем говорить с друзьями, по которым скучала весь год и к которым стремилась всей душой. И они, похоже, чувствуют то же самое. Это молчание невыносимо, оно, как кислота, разъедает и портит все то, что было между нами прежде.

Женька не выдерживает первой. Она резко поднимается, стряхивая с подола недоеденные стручки, и делает шаг вперед. Ее ноги тонут в песке, который несет ее, словно лавина. Мы наблюдаем, как она ловко останавливается у воды, скидывает кроссовки, заходит в воду и громко охает. Вода в ручье ледяная, я ощущаю ее холод своими ногами, хотя стоит в ней Женька.

Но она быстро привыкает, начинает прыгать и плескаться, так что брызги разлетаются во все стороны бриллиантовым дождем.

От ее хохота пузырь тишины лопается, и все приходит в движение. Динарка вскакивает и встает на краю обрыва. Женька зовет ее, и она что-то кричит в ответ.

Нурик с Андрюхой уже негромко беседуют о своем, словно кто-то ненадолго поставил их разговор на паузу, а теперь включил снова.

Я оборачиваюсь.

Колька вытянулся на траве чуть поодаль от всех. Одна рука его согнута и прикрывает глаза от солнца. Локоть торчит вверх, и в рукаве футболки видны длинные темные волоски. Видеть их почему-то неловко, и я перевожу взгляд. Другая

Колькина рука откинута в сторону. Кажется, что он спит, но, если присмотреться, заметно, как он протягивает травинки между пальцами, словно хочет разгладить. От этого на его руке красиво напрягаются мышцы, и мне очень хочется до них дотронуться.

Чтобы не смотреть на такого красивого Кольку, я встаю и иду прочь. Никто не замечает моего ухода.

Теленок поднимает голову и с любопытством смотрит на меня. Вытянув вперед руку, я осторожно приближаюсь, ласково повторяя:

– Хороший! Хороший мальчик! Не бойся! Ты умница! Ты красавец! Не бойся!

Теленок и не боится, он доверчиво тянет ко мне морду. Я дотрагиваюсь до его рыжей головы, провожу пальцами по едва наметившимся рожкам, по мохнатым вздрагивающим ушам, по белому пятнышку на лбу. От теленка пахнет теплом, молоком и прелым сеном. У него розовые губы в мелких шерстинках, а возле блестящих влажных глаз сидят мухи. Я сгоняю их и, глядя его большую красивую голову, все повторяю и повторяю:

– Ты мой хороший, мой красивый мальчик.

– Ну вы еще поцелуйтесь! – вдруг раздается за спиной насмешливый голос.

Я вздрагиваю всем телом и резко оборачиваюсь. Колька подкрался неслышно. Он смотрит, хитро прищурившись и чуть наклонив голову.

Давно он за мной наблюдает?

Щеки снова обдаёт жаром. И почему я вечно краснею?!

– Испугалась? – с наигранным участием спрашивает Колька.

Хочется ответить ему: «Да, черт возьми! Неужели сам не видишь?» Но, глядя на его наглую, самодовольную физиономию, я с вызовом отвечаю:

– Не надейся!

И быстро иду прочь. Колька шагает рядом, опережая меня на полшага и заглядывая мне в лицо. Он выше на целую голову. Он такой большой, что закрывает солнце.

– Смелая, значит, да?

Я трясую головой, словно отмахиваясь от назойливой мухи. «Смелая. Была смелая. А теперь не узнаю тебя и отчего-то боюсь».

– Что ты к ней цепляешься?! – Динарка все еще стоит над обрывом, уперев руки в бока, и смотрит на Кольку сердито и подозрительно.

– Влюбился, что ли? – со смехом добавляет мокрая и чумазная Женька, только что вылезшая из оврага.

– Да пошла ты, – грубо отвечает ей Колька.

– Что ты сказал? – вскакивает Андрюха, и его тон не предвещает ничего хорошего.

Он крупнее Кольки, но вряд ли его полнота может что-то противопоставить Колькиной силе.

Они исподлобья смотрят друг на друга, и я совсем не

узнаю их.

– Ребят, да что с вами такое?

То, что я вижу, меня пугает. Я ехала к бабушке, зная, что приеду к друзьям, но они изменились. Все вокруг осталось прежним, только не они.

Никто мне не отвечает. Колька отводит взгляд, притворно зевает и плюхается на землю.

– Скучно... – выдыхает он, и это слово действует словно заклинание.

Андрюха как-то сразу обмякает, Динарка опускает руки и привычно сутулится, и даже Женька перестает улыбаться, резко отворачивается, снова принимается с остервенением рвать горох и набивать карманы. Напряжение сдувается, как проколотый мяч, и только в воздухе остается горьковатый привкус недовольства друг другом. Скука. Вот почему все не так.

Мы снова сидим на обрыве, свесив ноги в овраг. В спины нам смотрит оплавленное вечернее солнце. Кузнечики стрекочут, словно торговки на базаре, а мы, безучастные к их болтовне, разомлевшие от жары и скуки, по-птичьи перебрасываемся короткими пустыми фразами и бездумно глотаем крошечные горошины, бросая их ненужные домики в овраг.

Скучно.

Нам впервые скучно друг с другом.

– Ладно, я домой, – вдруг объявляет Женька и поднимается на ноги. – Я Тоне обещала сегодня пораньше прийти.

– Мне тоже пора, – торопливо говорит Андрюха, на полуслове обрывая разговор с Нуриком.

– Может, и мы тогда пойдем? – спрашивает Динарка, и Нурик молча кивает.

Я тоже поднимаюсь на ноги, хотя домой мне совсем не хочется. Мне бы хотелось еще посидеть вот так, свесив ноги вниз. И пусть все уходит. Толку от них все равно никакого. Но Колька уходить не собирается, а оставаться с ним вдвоем я не могу.

– Колян, ты идешь? – спрашивает Нурик.

– Что? – Колька словно очнулся ото сна, вид у него совсем отсутствующий.

– Домой, говорю, идешь?

– А, да не, я тут еще побуду. Идите.

Он отворачивается и снова уходит в себя. А я почему-то чувствую досаду. И мне еще сильнее хочется остаться.

– Ладно, до завтра тогда.

Но Колька уже не слышит.

Женька с Андрюхой ушли далеко вперед, но мы не спешим их догонять, а просто молча шагаем следом. И я, зажатая между Динаркой и Нуриком, не решаюсь обернуться.

– Что это с ним? – кажется, этот вопрос разлит в воздухе, поэтому мне так легко его задать.

– С кем? С Колькой? – зачем-то уточняет Динарка. – Да у него дома плохо совсем.

Нурик молчит, но я слышу, как меняется его дыхание. Он

не любит сплетни, он вообще никогда никого не обсуждает. Но я делаю вид, что ничего не замечаю. Мне важно знать, что происходит с Колькой и со всеми нами.

– Сначала вроде нормальный был...

– Ну да, с ним теперь все время так. То ржет как конь, то орет на всех.

– Так что с ним?

Динарка в ответ лишь пожимает плечами.

Мы уже идем по узкой дорожке вдоль стадиона. Втроем здесь тесно, поэтому Нурик шагает позади.

– У него отец, что ли, опять запил? – пользуясь моментом, спрашиваю я как можно тише, чтобы он не услышал.

– Да он и не переставал, – шепчет Динарка. – А на днях совсем ужас был. Он так напился, что выгнал их с матерью на улицу. Орал как ненормальный. Говорят, даже с ножом за ними бегал. Они потом полночи на скамейке во дворе сидели.

– А милицию почему не вызвали?

– А толку? Милиция его если и заберет, так отпустит же. Он домой вернется и переубивает их всех на фиг.

– И что же делать?

– Я откуда знаю?

Дальше мы идем молча. Вот почему бабушка требовала, чтобы я не общалась с Колькой. Их семья опозорилась, замарала себя, вынеся «сор из избы». А для бабушки хуже этого ничего не может быть.

Ну уж нет, я его не брошу! Надо будет, уговорю деду, и мы поселим их у нас на даче. Хотя, конечно, вряд ли он разрешит. Но можно стащить ключи и впускать их тайно, только на ночь, а к утру бы они уходили. Я уже представляю, как поведу Кольку и его маму в темноте по свекольной дороге, как скрипнет калитка, впуская нас в темный сад, и как потом уютно будут светиться окошки в зеленом домике.

Во двор мы заходим в сумерках. Надо же, как быстро тут темнеет, а я и забыла. На углу мы прощаемся с Женькой и Андрюхой, и они исчезают в бездне Женькиного подъезда. А мы идем к своему. Свет горит только в кухонном окне Динаркиной бабушки. Во всех остальных темно, и от этого они кажутся пустыми.

– Может, еще посидим? – предлагаю я.

– Не, я домой, футбол скоро, – говорит Нурик.

– Иди, иди, – спроваживает его Динарка. – Скажи бабушке, что я скоро.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.